

ГРАЖДАНСКОЕ ОБЩЕСТВО: ПРОЕКТ ИЛИ ПРОЖЕКТ

Лопушанский И.Н.

Гражданское общество на постсоветском пространстве реально. Оно проявляет себя во взаимоотношениях с властью в формах диалога (идеал), противостояния (реальность кризисов прошлого, настоящего и будущего), сосуществования (повседневная реальность). Состояние сосуществования разочаровывает и раздражает ученых, политиков и обывателей, но потенциально способно вести к диалогу с готовой к этому властью при решении общезначимых задач.

Ключевые слова: *власть, гражданское общество, квазиорганизации гражданского общества, псевдоорганизации гражданского общества*

Уже два десятилетия категория «гражданское общество» вызывает неоднозначную реакцию ученых, политиков, обывателей. От призывов формировать оное со стороны власти и части ученых до «анафемствования» со стороны другой части ученых и политиков, обвиняющих оппонентов в следовании в «хвосте» у западных либералов. Эти различия в подходах проявились и в ходе Международной Интернет-конференции 12 апреля 2012 г., координаторами которой стали ученые Таврического Национального университета им. В.И. Вернадского (г. Симферополь) И.И. Кальной и А.В. Горбань.

Стоит, видимо, напомнить о том, что для отечественного обществознания категория «гражданское общество» не нова. Еще в конце советского периода в курсе теории государства и права при анализе политической системы ее формально не обходили вниманием. Но в доживавшей свой век тоталитарной реальности свои функции эта составляющая политической системы выполнять, естественно, не могла. Требовалось существенное расширение прав и свобод граждан.

За рубежом интерес к категории «гражданское общество» потускнел, появились попытки ее подмены «хорошим обществом» и другими концептами. Только перемены в СССР и странах Восточной Европы способствовали тому, что взаимоотношения власти и гражданского общества вновь попали в зону внимания ряда ученых [1]. Появились в русском

переводе классические работы, затрагивавшие эти вопросы [2]. При всем многообразии подходов преобладают представления о возможности переноса опыта гражданского общества стран с развитой демократией в другие страны, в частности, на постсоветское пространство. В этих бесспорно значимых работах возникает дидактический акцент. Когда речь идет о «новых демократиях» (это о нас и наших соседях), нередко выделяются две крайности. По мнению одних, наши страны должны пройти путь формирования гражданского общества с азов, включающих не только наши ценности и традиции, но и часто преступные формы первоначального накопления капитала, передела собственности и т.п. Создается впечатление, что нас пытаются примирить с тем, что якобы всегда на этом пути эгоизм перевешивает солидарность. Другая крайность состоит в перенесении в нашу реальность, обладающую рудиментами этатизма и чертами нового патернализма, готовых форм отношений власти и общества, характерных для развитых демократий (при этом также отличающихся друг от друга).

В отличие от этих мнений Дж. Коэн и Э. Арато предложили «весьма детальный политический проект демократизации существующих гражданских обществ, сформулированный в терминах продолжения (при наличии должной рефлексии) демократической революции и государства всеобщего благосостояния...Такой проект позволил бы странам Восточной Европы переосмыслить свою стратегию. Вместо недостижимого (а на наш взгляд, и нежелательного) стремления стать такими же, какими были или являются в настоящее время страны Запада, им следовало бы обратиться к модели, основанной на возможном (и, по нашему мнению, нормативно желательном) общем будущем» [3]. Конечно, авторы фундаментального труда не дают каких-то рецептов по формированию гражданского общества, «встроенного» в существующие отношения, традиции, ценности, историю, но приведенные в нем концепты и критика чрезвычайно полезны.

Открытым остается и вопрос о том, нужно ли гражданское общество формировать, или оно уже реально существует в ряде стран Восточной

Европы и постсоветского пространства. На наш взгляд, существуют доказательства его наличия в виде разнообразных ассоциаций активных граждан, правового обеспечения их деятельности, их взаимодействий между собой и с властью, причем как на основе консенсуса, так и в конфликтной форме.

Институты гражданского общества многообразны и далеки от идиллического согласия и единства. Это предопределено различием корпоративных интересов и целей каждой составляющей. Демонстрируя более или менее внутреннее единство, во взаимоотношениях между собой они выступают как независимые ассоциации граждан, и нужны какие-то условия, при которых эти ассоциации, не сливаясь (что, в принципе, не исключено), выбирают единый вектор взаимодействий. Границы подобного единства подвижны, поскольку определяются принципами существования гражданского общества, с одной стороны, принципами самоорганизации и независимости ассоциаций, с другой – принципом толерантности во взаимоотношениях между собой.

Будучи политически нейтральными (за исключением политических партий, что подталкивает ряд авторов к выводу, что партии не должны включаться в состав гражданского общества, как неполитической, частной сферы общественной системы), организации гражданского общества обладают вместе с тем весомым политическим потенциалом. Это показывает исторический опыт социальных революций, где политическая составляющая завоевания власти, как с применением насилия, или только с его угрозой, всегда связана с приоритетным участием организаций гражданского общества. Это показывает практика политических «цветных» революций, как на постсоветском пространстве, так и в арабских странах, где кроме проплаченных участников массово используются различные организации гражданского общества. Это, наконец, объясняет интерес политических вождей в странах СНГ к потенциалу членов ассоциаций гражданского общества как электората на выборах. По нашему мнению, члены

гражданского общества отличаются от атомизированных членов общества в целом своей общественной активностью, приводящей их к объединению на базе солидарных интересов.

Реальная значимость политического потенциала гражданского общества выше, чем его оценка со стороны не только населения, но и многих политиков и ученых. Подавляющая масса населения представляет общество в целом как общество гражданское и либо предъявляет к нему завышенные требования, либо, напротив, отказывает ему в какой-либо значимости. Многие политики призывают к формированию гражданского общества на постсоветском пространстве, забывая, что собственно этим пространством они уже обязаны национальным и сепаратистским организациям кризисного переходного периода 1980-1990-х гг., и что уж власть не должна быть обременена вопросами его формирования.

Эрозия коммунистических режимов в конце 80-90-х годов XX века привела к обновленному интересу к возможностям гражданского общества противостоять тоталитаризму, сначала у диссидентов, затем у политиков и теоретиков из числа разочаровавшихся марксистов. Для одних – это был рецидив индивидуалистического и конституционного либерализма, для других – признание превосходства свободного рынка над централизованной плановой экономикой. Как эхо это отразилось и на Западе, где в большей или меньшей степени гражданское общество существовало несколько столетий, но само понятие и его идея крайне редко использовались средствами массовой информации или академическими политологами [4]. Популярность идеи в странах бывшего коммунистического мира способствовала ее общему ренессансу в странах либеральной демократии или движущихся в ее направлении.

Возможно, историк находится в более выгодном положении в процессе анализа гражданского общества, поскольку в этом анализе рассматривает разные временные пласты, а именно переходный период в жизни каждого общества (не только российского). Этот период характеризуется наибольшей

степенью гражданского согласия, концентрацией усилий слабых (в их разрозненном и зачастую еще не сформировавшемся до конца состоянии) ассоциаций гражданского общества в достижении единой для них цели: разрушения прежнего режима и установления нового. В созидании, как это и предсказывал Гегель, составляющие гражданского общества, обладая множеством разнонаправленных идеалов, не являются солидарными. В современном состоянии гражданского общества, пожалуй, доминирует толерантность, и в сравнении с кризисными условиями переходного периода взаимодействия гражданского общества с властью выглядят вялотекущими, чем отворачивают от себя исследователей (как у нас, так и за рубежом, оживляющихся только на время кризисов). Потенциал гражданского согласия, проявив себя в России и Восточной Европе (в Грузии, Украине, Киргизии), ждет новой возможности своего осуществления.

Заинтересованность власти в конструктивных отношениях с организациями гражданского общества заключается в реализации ее функции управления. Следует учитывать, что общественно-политические тенденции изменчивы. Временами государство стремится с неоконсервативных позиций наступать на социальные права населения, но иногда, напротив, отечественный избиратель (в том числе входящий в ассоциации гражданского общества) выражает желание «покончить с хаосом», «восстановить порядок». Вектор управления в таких ситуациях может быть усилен или ослаблен. Усилия власти могут выглядеть легитимными или, напротив, нелегитимными для различных секторов гражданского общества.

Можно выделить несколько направлений осуществления властью функции управления. Прежде всего, это создание «правил игры», то есть законодательное оформление деятельности гражданского общества, границ независимости его организаций, функций государственных органов, контролирующих как содержание уставных документов вновь создаваемых ассоциаций, так и соответствие реальной практики уже существующих

организаций содержанию этих документов, санкций со стороны государства по отношению к нарушителям.

Анализ правовых документов на постсоветском пространстве показывает, что и в странах, пошедших по самостоятельному пути, и в странах, подчинившихся декларациям европейского сообщества, немало законодательных ограничений свободному функционированию организаций гражданского общества.

Другим направлением реализации заинтересованности власти в отношении гражданского общества является собственно управление, как в виде деклараций, так и реальных действий. Нередко декларации трудно отделить от реальных действий навстречу обществу, например, повышение пенсий и монетизация льгот для пенсионеров и инвалидов повышение денежного содержания и пенсий военнослужащим, борьба с организованной преступностью, с преступностью «в погонах», с коррупцией, проведение административной реформы и реформы ЖКХ (жилищно-коммунального комплекса).

Однако, в большинстве случаев дальше деклараций, ставящих благородные цели, дело не идет: создаются многочисленные государственные структуры по исполнению поставленных задач и контролю за исполнением (за десятилетие административной реформы в Россия, по данным ВЦИОМ, количество чиновников выросло почти на миллион; за реформу ЖКХ беремся вторично и опять за счет населения; по уровню коррупции, по данным международной аналитической организации «Transparency International» Россия на 154 месте в мире). Участие же организаций гражданского общества заключается в лучшем случае в виде представительства с совещательным голосом. Условием же перевода этих деклараций в реальные дела со стороны гражданского общества является наличие альтернативных проектов, оппозиционных структур, создаваемых политическими партиями («теневых кабинетов»), независимых организаций гражданского контроля, не контролируемых (за исключением

государственной тайны и экстремизма) государством средств массовой информации (прежде всего телевидения, играющего основную роль в информационном пространстве стран СНГ). Пока это не будет достигнуто, все действительно необходимые программы и действия государства будут приобретать «косметический» характер.

В стремлении обеспечить легитимность действий государства и показать их поддержку со стороны общественного мнения во многих странах (не только на постсоветском пространстве) создаются «квазиорганизации» гражданского общества типа Общественной палаты, Комитета по помилованиям, Комитета по правам человека, института омбудсменов. Назвать их «псевдоорганизациями», видимо, нельзя – они реально в меру своих возможностей и способностей выполняют задачи консультирования власти, предоставления рекомендаций. Эти организации скорее действуют для решения государственных задач, хотя по форме, они выразители общественного контроля и общественного мнения в глазах собственного населения и некий «камуфляж» для зарубежных политиков и СМИ.

Зато «псевдоорганизациями» гражданского общества вполне можно считать партии, созданные в РФ после принятия закона 2001 г. Как уже отмечалось выше, ограничения этого закона таковы, что без помощи власти и, особенно в субъектах федерации, создать новую (или сохранить старую) сложно. Однако такие партии были созданы.

Власть проявляет интерес к гражданскому обществу как к части электората на выборах, значимой в силу ее организованности и позволяющей вести мониторинг общественных настроений в большей мере, чем осуществлять выявление приоритетов разрозненных индивидов. Растущая авторитарность власти в странах СНГ приводит к осуществлению патерналистских схем ведения предвыборной пропаганды, часто сводящейся к традиции «сильной руки», к вине демократии и либеральных реформаторов в распаде ранее единой страны, и экономических трудностях и социальной несправедливости переходного периода. Такие тенденции неизбежно ведут к

ослаблению самой идеи гражданского общества как проявления демократии и правового государства.

Таким образом, интерес власти к гражданскому обществу носит вполне прагматический характер. А есть ли заинтересованность гражданского общества во взаимодействии с властью? Несомненно, ожидания институтов гражданского общества, прежде всего, связаны с созданием властью поля их независимого существования. Государство устанавливает законы – пределы активности индивидов и ассоциаций, но внутри этих пределов существует свобода действий, ограничиваемая уже по правилам гражданского общества – договором о соблюдении интересов или распоряжением конституирующегося коллектива. Это – идеал, но между ожиданиями и реальностью существует (и всегда существовал) разрыв, ширина которого непременно своя в каждой стране, строящей свое гражданское общество.

Развитому гражданскому обществу недостаточно «замкнутого пространства», многие его организации стремятся к большему влиянию на политическую (такие как партии, органы местного самоуправления), экономическую (общественно-экономические ассоциации), культурную «сферы», выделяемые Дж. Коэн и Э. Арато (вслед за А. Грамши и Ю. Хабермасом) в качестве трехчастной модели промежуточных «камер» взаимодействия с органами власти в политике (бюрократия), экономике, духовной жизни [5].

При этом, с одной стороны, квази- и псевдоорганизации гражданского общества усиливают иллюзию участия всех ассоциаций в законотворчестве и контроле государственных структур, с другой – часть организаций (чаще всего правозащитных и радикальных), напротив, всячески доказывает, что «заметность» возможна только в столкновениях с властью («марши несогласных» в крупных городах России выглядят в этой ситуации функциональными), что подкрепляется обращениями к западным СМИ и Интернету.

Большая часть институтов гражданского общества предпринимает усилия для установления конструктивных отношений с властью. Во взаимоотношениях с государством наиболее значимыми выглядят политические партии. Если говорить о политической сфере общества, то здесь партии выглядят своеобразными мостиками от гражданского общества к государству. И правящие и оппозиционные – они являются «своими», как для гражданского общества, откуда ведут происхождение, так и для законодательной и исполнительной ветвей власти (что заставляет некоторых авторов сомневаться, стоит ли их включать в структуру гражданского общества).

Политическая организация общества (не следует путать с политической системой) практически во всех странах постсоветского пространства страдают, по крайней мере, двумя недостатками: ограничениями в свободе создания и функционирования партий и, соответственно, политической монополией правящей партии, а также, перефразируя классика, «детской болезнью» предпочтения принципиальной самоизоляции поиску объединяющих программ и лозунгов в оппозиционном демократическом лагере. На наш взгляд, правящие партии часто являются, по сути, большими (иногда гигантскими) клиентелами, объединяющими политиков, желающих реально участвовать в управлении государственными политическими и экономическими структурами, но руководствующимися различными побуждениями (от психологического «властного» синдрома до корыстных интересов, от получения привилегий до депутатского иммунитета). В перспективе возможны, по крайней мере, три варианта отношений партий и власти.

Во-первых, это реализация программы-идеала политической организации общества, когда создание и функционирование партий не ограничивается властью; когда уменьшение числа партий в политическом спектре связано не с произволом власти, а с прагматическими центростремительными тенденциями в самих партиях, как составляющих

гражданского общества, руководствующихся его принципами независимости и толерантности; когда «циркуляция элит» (по выражению В. Парето) становится результатом конкуренции идей, а не политических технологий. Однако, на наш взгляд, возможность приближения к идеалу в обществе возникает либо в неподходящий момент выхода из социально-политического кризиса, когда идеальные представления еще не выветрились из общественного сознания, а растущее разочарование происходящим институционализировалось в действенную оппозицию (такой вариант был возможен, но не реализовался на постсоветском пространстве), либо в условиях осознания конкурирующими элитами необходимости соблюдения баланса интересов в обществе.

Во-вторых, это дальнейшее вытеснение из политического пространства оппозиционных и малочисленных партий растущей партией власти, движение, обратное процессу демократического транзита. Растущая авторитарность лидеров в странах постсоветского пространства является необходимым и достаточным условием такого прогноза.

Наконец, это возвратно-поступательный процесс в духе античных представлений о чередовании форм власти, но с применением современных технологий. Менталитет нового поколения не сможет долго мириться с навязываемыми представлениями о традиции «сильной руки», преимуществах государственной в основном экономики, искаженной демократии. Чем завершится новый демократический транзит, будут ли установившиеся отношения государства и гражданского общества прогрессивны и стабильны, сегодня вряд ли можно сказать.

Политические движения во взаимоотношениях с властью внешне имеют меньше возможностей влияния. Эти отношения слабо структурированы в сравнении с взаимодействиями «партия – власть». Программы движений менее детально проработаны, размыты. Однако в кризисных для общества условиях, когда напряжение в массах нарастает, опираясь в основном на лозунги, понятные массам более, чем даже

перспективная модель той или иной партии, движения быстро набирают силу. «Политический плюрализм», «возрождение национальной культуры», «национализм» и «сепаратизм» - лозунги, возникшие в условиях демократизации в советских республиках конца 1980-х годов, сделали политические движения такими мощными, что перед ними не устояли ни силы защиты режима, ни армия, ни 19-миллионная партия коммунистов (конечно, следует учитывать, что линия раскола в условиях расширившегося информационного потока прошла и по этим властным структурам).

Подтверждение этой силы наблюдается и в весенних событиях 2011 года в ряде арабских стран с авторитарными режимами. Можно сомневаться о том, что за этим стоит: исламский фундаментализм (все-таки в этих странах преобладала власть светских структур при поддержке армии), социальные проблемы, стремление к демократизации, смена элит, геополитические интересы стран НАТО, а может быть, и все вместе взятое, - нельзя не отметить ожесточенность части гражданского общества в столкновениях с властью за свои лозунги.

Кроме отмеченных движений, набирающих силу в периоды кризисов, в гражданском обществе распространены перманентные антивоенные (пацифистские) и антиядерные, экологические движения, получившие «подпитку» активности в связи с весенней ситуацией 2011 года в атомной энергетике Японии; феминистские движения, которые от суфражистских лозунгов уравнивания в избирательных правах женщин с мужчинами, оставшимися в основном в прошлом, и требований осуществления справедливой гендерной политики, перешли к борьбе с насилием в семье и сексуальными притязаниями коллег по работе. Наиболее серьезны и перспективны противоречия с властью правозащитных и анти- и альтерглобалистских движений, чья деятельность нередко выходит за национальные границы и координируется их международными объединениями.

Многие общественные организации (спортивные, по интересам, благотворительные и т.п.) не нуждаются в каких-либо отношениях с государством, поскольку декларируют не вовлеченность в политику (именно «декларируют», поскольку в реальности избежать этого нельзя). Политическая, экономическая и правовая стабильность лежат в основе их существования и функционирования. Понимание этого обстоятельства заставляет электорат в их составе голосовать за партию власти; непонимание – ведет к абсентеизму в рамках избирательной кампании. Столкновения с властью здесь возникают скорее по вине самой власти, когда градостроительные проекты или мелкие привилегии чиновников и депутатов политизируют общественное мнение.

Религиозные организации гражданского общества находятся в особом положении к власти. Они отделены от государства. Однако роль религии в постсоветском обществе вне зависимости от страны существенно повысилась в сравнении с советским периодом. Это заметно по довольно существенному ряду взаимных контактов: от неперемного присутствия государственных руководителей в храмах во время церковных праздников до возвращения зданий, церковной утвари, икон, возобновления деятельности монастырей. Власть явно нуждается в церкви той или иной конфессии для заполнения освободившейся после крушения коммунистического строя ниши в общественном сознании. Похоже, православный клир вполне это осознает.

Анализируя роль средств массовой информации, приходишь к печальному выводу, что в наших странах СМИ за некоторыми исключениями долгое время не могли считаться институтом гражданского общества. Пожалуй, период между февралем и октябрём 1917 года, демократизация конца перестроечного периода (с 1987 г.) и 1990-е гг. в Российской Федерации можно считать такими исключениями, когда соблюдались принципы независимости и альтернативности прессы, а с 1988 г. и электронных СМИ. Последнее десятилетие дает примеры только

альтернативной партийной прессы, но она охватывает мизерный круг читателей, и относительно независимые сайты Интернета.

Интернет можно считать важнейшим современным средством коммуникации и информации, значимым для организаций гражданского общества, но как мобилизующий коммуникационный канал воздействия он требует распространения не только в крупных городах стран СНГ. Компьютерная насыщенность, как показывают события в Арабском мире и тем более в Европе, имеет следствием более высокую динамику коммуникаций. Хорошо это или плохо, зависит от условий применения и возможности использования этих средств экстремистскими группами.

Подводя черту под этими размышлениями о взаимоотношениях власти и гражданского общества, естественно, стоишь перед выбором: противостояние, диалог или сосуществование. В нашей совместной истории противостояние, насилие (или угроза насилия) со стороны политизированных движений показали наиболее высокий уровень активности гражданского общества по отношению к власти в ходе революционных преобразований соответствующего исторического периода и соответствующей страны в уже постсоветских условиях. Одной из форм противостояния стало гражданское неповиновение, имеющее разнообразные проявления: от «стояния на майдане» до перекрытия автотрасс.

Диалог возникал только в относительно стабильных условиях. Он также может рассматриваться как возможная перспектива отношений власти и гражданского общества. Однако, в прошлом и настоящем власть чаще рассматривает возможность диалога в собственных интересах, как правило, при приближении выборов. В Российской Федерации для этого применяется и мониторинг общественного мнения, и создание квазиорганизаций гражданского общества и другие шаги. Полноценный диалог не возникает в отсутствие альтернативных независимых СМИ, ограничений в партийном строительстве, отказа власти от предвыборных дебатов в прямом эфире. От давления «снизу», подталкивающего к диалогу, власть ограждает

относительно стабильная экономическая и социальная ситуация, во многом связанная с высокими мировыми ценами на энергоресурсы.

Поэтому нынешнее состояние отношений и ближайшую перспективу в большинстве случаев приходится характеризовать как условия сосуществования власти и гражданского общества, когда активность проявляется, пожалуй, лишь партиями и правозащитными организациями, а власть не слишком обеспокоена этой активностью.

Список литературы

1. Shils Ed.A. The Virtue of Civility: Selected Essays on Liberalism, Tradition, and Civil Society. - Indianapolis, 1997; Кин Дж. Демократия и гражданское общество. – М., 2001; Коэн Дж. Л., Арато Э. Гражданское общество и политическая теория. – М., 2003 и др.
2. Вебер М. История хозяйства. Город. – М., 2001; Даль Р. О демократии. – М., 2000; Поппер К. Открытое общество и его враги: В 2 т. – М., 1992; Фуко М. Нужно защищать общество. – СПб., 2005; Хабермас Ю. Вовлечение другого. Очерки политической теории. СПб., 2001; Шмит К. Политическая теология. Сборник. – М., 2000 и др.
3. Коэн Дж. Л., Арато Э. Указ. соч., с. 546.
4. Shils Ed. Op. Cit., p. 327.
5. Коэн Дж.Л., Арато Э. Указ. соч., С. 15, 545, 615.

Лопушанський І. М. Громадянське суспільство: проект або прожект

Громадянське суспільство на пострадянському просторі реально. Воно виявляє себе у взаєминах з владою у формах діалогу (ідеал), протистояння (реальність криз минулого, теперішнього і майбутнього), співіснування (повсякденна реальність). Стан співіснування розчаровує і дратує вчених, політиків і обивателів, але потенційно здатне вести до діалогу з готовою до цього владою при вирішенні загальнозначущих завдань.

Ключові слова: влада, громадянське суспільство, квазіорганізації і громадянського суспільства, псевдоорганізації громадянського суспільства.

Lopushansky I.N. Civil society: a project or project

Civil society in post-Soviet reality. It manifests itself in relations with the government in the forms of dialogue (ideal), conflict (the reality of the crises of the past, present and future), coexistence (everyday reality). The state of coexistence of frustrating and annoying to scientists, politicians and ordinary people, but can potentially lead to a dialogue with this final rule generally significant in solving problems.

Key words: power, civil society, kvaziorganizatsii civil society, civil societypsevdo organizatsii.